

0- 794154

На правах рукописи

104

ГОЛОВКИНА Алла Сергеевна

ПОЛИФНИЯ СЛОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале произведения Дж. Джойса «Дублинцы»)

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Самара – 2011

Работа выполнена на кафедре английского языка ФГБОУ ВПО
«Поволжская государственная социально-гуманитарная академия»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Морозова Алеватина Николаевна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Вохрышева Евгения Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
Никитина Татьяна Германовна

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Педагогический институт
Саратовского государственного
университета им. Н.Г. Чернышевского»

Защита состоится 26 января 2012 г. в 11:00 на заседании диссертационного совета Д 212.216.03 в ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия» по адресу: 443099, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67, ауд. 9.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия».

Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте ВАК Министерства образования и науки РФ www.vak.ed.gov.ru и на официальном сайте ФГБОУ ВПО «Поволжская государственная социально-гуманитарная академия» www.pgsga.ru.

Автореферат разослан «17» декабря 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
профессор

Е.Б. Борисова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В изучении текста как линейно упорядоченной совокупности знаковых единиц центральное место занимает слово – предельная составляющая предложения, которая непосредственно соотносится с предметом мысли и вследствие этого приобретает лексические, или вещественные свойства¹. Обращаясь к проблематике слова, лингвисты всегда уделяли пристальное внимание лексико-семантическому варьированию. В основной массе работ, посвященных этой проблеме, ставится задача описать внутреннюю сторону слова как структуру с четко очерченным составом элементов и/или выявить факторы, определяющие реализацию того или иного варианта в речи. Гораздо меньшее внимание уделяется тому факту, что независимо от его употребления «слово присутствует в сознании со всеми своими значениями»², и это свойство проявляется как в языке, так и в речи. Способность слова к одновременной реализации своих значений, семантических оттенков и ассоциативных связей – т.е. полифония слова – и является объектом настоящего исследования. Предметом изучения стали семантические и функционально-прагматические характеристики лексических единиц, проявляющих свойство полифонии.

Полифония слова отличает, прежде всего, словесно-художественное творчество. Если в текстах, направленных на реализацию функции сообщения, слово регулярно воспроизводится как компонент сложного образования – словосочетания, как бы «растворяясь» в нем, то в стиле художественной литературы слово освобождается из «плена» словосочетания, где оно было закреплено лишь в одном из своих значений, и стремится к одновременной актуализации всех своих языковых потенций³. Несмотря на обширный материал, посвященный лексическому составу художественных текстов вообще и языку отдельных писателей в частности, способность слова выступать как глобальное семантическое целое остается на периферии внимания исследователей.

Актуальность реферируемой диссертации определяется, с одной стороны, недостаточной изученностью явления полифонии и особенностей употребления полифоничных слов в контексте англоязычных художественных произведений, а с другой стороны, – необходимостью дальнейшей разработки собственно филологического подхода к описанию лексической семантики.

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. – С. 422.

² Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1947. – С. 14.

³ Тер-Минасова С.Г. Вопросы изучения построения речи // Вестник Московского университета. – Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – Специальный выпуск. – С. 17-19.

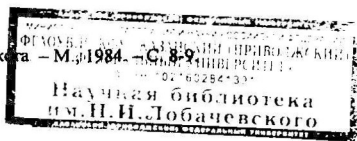
Полифония слова представляет собой явление, изучение которого необходимо для раскрытия функционально-обусловленных свойств лексической единицы в контексте словесно-художественного творчества и для выявления роли слова в реализации идейно-эстетического содержания литературного произведения. Исследование полифонии слова в контексте образно-эмоциональной природы художественного произведения призвано внести определенный вклад в решение одной из наиболее значимых, сложных и до сих пор не решенных в полной мере проблем филологии – проблемы восприятия художественного текста как последовательности знаковых единиц, обеспечивающих связанность и цельность текста и направленных на реализацию содержания-намерения, соответствующего эстетическому идеалу автора и его мировосприятию.

Подлинное понимание произведения словесно-художественного творчества возможно лишь при установлении роли тех или иных языковых средств в воплощении идейно-художественного замысла автора. Именно эту цель ставит перед собой метод лингвопоэтического анализа, положенный в основу настоящего исследования. Лингвопоэтический метод, синтезирующий в себе элементы лингвистики и литературоведения, подразумевает анализ языкового материала на трех уровнях: семантическом, метасемиотическом и метаметасемиотическом⁴. На первом, семантическом уровне, единицы, из которых строится текст, рассматриваются как элементы языковой системы в их прямом значении. Метасемиотический уровень предполагает переход к изучению того дополнительного, метафорического, образного содержания, которое единицы языка приобретают в художественном контексте. Анализ на метаметасемиотическом уровне, направленный на раскрытие идейного содержания произведения и обусловленности использования тех или иных метасемиотических средств, требует обращения к внетекстовым знаниям литературного, культурного и исторического характера.

Материалом исследования послужили пятнадцать рассказов, составляющих сборник Джеймса Джойса «Дублинцы» (James Joyce "Dubliners").

Исследователи творчества ирландского писателя подчеркивают особый статус слова в данном произведении (Э.Б.Акимов, Е.Ю.Гениева, Д.М.Курилов). Проза Дж.Джойса лишена излишней описательности и «цветистости», количество стилистических приемов в ней сведено до минимума, но за внешней строгостью и простотой скрывается предельная

⁴ Задорнова В.Я. Восприятие и интерпретация художественного текста

внутренняя сложность. Не случайно Е.Ю.Гениева метко сравнивает слово у писателя с айсбергом, «который своей наибольшей частью уходит под воду, оставляя на поверхности лишь самое необходимое»⁵.

Термин «полифония» был заимствован филологией из музыки, однако в случае с творчеством Дж.Джойса он становится чем-то большим, нежели простая метафора, так как признанной особенностью прозы писателя является ее удивительная «музыкальность». Многочисленные прямые ссылки на музыкальные произведения, особенности ритмической организации повествования, звуковая инструментовка, создаваемая фонетическими приемами и, наконец, техника лейтмотивов, позволяющая писателю проводить через все повествование основные темы сборника, пробуждают «в сознании читающего эмоциональные ассоциации, которые обычно вызывают гармония и мелодия»⁶.

Цель диссертации – раскрытие семантических и функциональных характеристик лексических единиц, проявляющих свойство полифонии, – определила формулировку следующих исследовательских задач:

- охарактеризовать методологические принципы, лежащие в основе филологического подхода к описанию семантики слова;
- обобщить сведения о полифонии как свойстве речевого произведения и как лексической единицы языка;
- уточнить место лексической полифонии в ряду смежных явлений;
- выявить типичные признаки и условия реализации полифоничных слов на материале избранного произведения;
- охарактеризовать место полифоничных единиц в образно-тематической структуре произведения;
- раскрыть взаимосвязь между семантикой слова и идейно-художественным содержанием текста.

Новизна работы состоит в том, что в ней полифония слова рассматривается путем сплошного анализа художественного произведения с применением метода трехуровневого анализа, позволяющего раскрыть связь между семантикой слова и идейно-художественным содержанием текста.

В диссертации определены инвариантные признаки полифоничных слов и условий их реализации; раскрыта роль лексической полифонии в выражении идейно-художественного содержания произведения Дж.Джойса «Дублинцы». Это определяет теоретическую значимость исследования для дальнейшего

⁵ Гениева Е.Ю. Художественная проза Джеймса Джойса: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1972. – С. 193.

⁶ Курилов Д.М. Слово в романе Дж. Джойса «Портрет художника в юности»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – С. 18.

развития лексикологической теории в когнитивно-функциональном направлении. Результаты исследования вносят определенный вклад в такие научные направления, как лингвосемиотика, лексическая семантика, функциональная стилистика и лингвопоэтика.

Практическая значимость работы состоит в том, что она может найти применение в рамках подготовки студентов-филологов. Теоретические выводы и языковой материал исследования могут быть использованы в курсах лексикологии, стилистики и интерпретации текста.

Методологическую и теоретическую базу исследования составили труды ученых в области лексикологии (Ю.Д.Апресян, И.В.Арнольд, Л.М.Васильев, В.В.Виноградов, В.Г.Гак, Н.Б.Гвишиани, Г.В.Колшанский, А.И.Смирницкий, А.А.Уфимцева, Д.Н.Шмелев, Л.В.Щерба), лингвопоэтики (О.С.Ахманова, Е.Б.Борисова, С.К.Гаспарян, В.Я.Задорнова, А.А.Липгарт, Т.Б.Назарова, М.С.Чаковская), литературоведения (М.М.Бахтин, И.Ф.Волков, А.Б.Есин, В.М.Жирмунский, Ю.М.Лотман, В.А.Лукин), филологической интерпретации художественного текста (Л.Г.Бабенко, Р.А.Будагов, И.В.Гюббенет, А.И.Домашнев, В.Я.Задорнова, З.Я.Тураева), стилистики художественного текста (И.В.Арнольд, И.Р.Гальперин, В.А.Кухаренко), а также работы литературоведческой и лингвистической направленности, посвященные творчеству Дж.Джойса (Э.Б.Акимов, Е.Ю.Гениева, А.М.Гильдина, И.В.Киселева, Д.О.Курилов, Т.Г.Никитина, У.Эко, Z.Bowen, Sh.Brivick, R.Keily, W.Y.Tindall).

В работе обосновываются и защищаются следующие положения.

1. Полифония слова как одновременная реализация лексических значений, семантических оттенков и ассоциативных связей должна быть отграничена от речевой полисемии, которая строится на оппозиции двух отчетливо распознаваемых адресатом лексико-семантических вариантов слова. В отличие от полифонии, относящейся, прежде всего, к сфере художественного творчества, речевая полисемия является принадлежностью разных функциональных стилей и, как правило, используется в каламбурном контексте.

2. Тенденцию к проявлению свойств полифонии обнаруживают ингерентно неконнотативные, высокочастотные слова с простой фonomорфологической структурой. Степень семантической разветвленности не является решающим фактором в реализации данного свойства.

3. Лексическая полифония в полной мере раскрывается только с учетом синтагматических и парадигматических связей между словами. Эти связи проявляются как в плане содержания (семантическое подобие лексических

единиц), так и в плане выражения (омонимическая и паронимическая аттракция).

4. В произведении Дж. Джойса «Дублинцы» инвариантными признаками речевой реализации полифоничных единиц служат их использование в сильных позициях текста, функциональная нагрузка в качестве ключевых слов, многократное воспроизведение в составе как отдельного рассказа, так и произведения в целом.

5. Выполняя функцию опорных текстовых элементов, полифоничные слова выступают как важное средство обеспечения текстовой когезии, играют значительную роль в создании образно-тематической структуры текста и в совокупности служат средством выражения идейного содержания произведения и ключом к пониманию идейно-эстетической позиции автора.

Апробация работы осуществлялась в ходе обсуждения результатов исследования на Всероссийской научно-практической конференции «Дискурсивный континуум: текст – интертекст – гипертекст» (Самара, 2006), Научно-практической конференции, посвященной 60-летию профессора Игоря Владимировича Вершинина «Предромантизм и романтизм в мировой культуре» (Самара, 2008), Межвузовской конференции молодых ученых «Англистика глазами молодых» (Самара, 2009), конференциях преподавателей, аспирантов и соискателей ПГСГА (Самара, 2006 – 2011).

По теме диссертации опубликовано 7 работ общим объемом 2,8 печатных листа, в том числе две статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

В структурном отношении работа состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, формулируются цели и задачи исследования, описывается материал, определяются актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, а также излагаются основные положения, выносимые на защиту.

Глава I «Семантика слова и методы ее изучения» состоит из трех параграфов. В параграфе 1, который озаглавлен «Семантика слова в контексте нарушения “закона знака”», мы исходим из положения о том, что внутренняя и внешняя стороны слова, составляющие неразрывное единство, находятся в асимметричных отношениях. Результатом этого стало существование в языке явлений, отличительной особенностью которых служит отсутствие

однозначного соответствия между планом содержания и планом выражения. Рассмотрению трех из них – полисемии, омонимии и паронимии – и посвящен первый параграф работы.

Основной вывод, к которому мы приходим в данном разделе диссертации, состоит в том, что полисемия как одна из форм нарушения закона знака не может рассматриваться в отрыве от смежных явлений, каждое из которых на этическом (речевом) уровне служит средством передачи сложного семантико-стилистического содержания.

В параграфе 2 «Основные подходы к описанию семантической структуры многозначного слова» рассматриваются вопросы, связанные с многозначностью слова, в том числе различные точки зрения на проблему взаимоотношения лексико-семантических вариантов слова. Центральное место отводится проблеме метода описания семантической структуры слова. В частности, обобщается литература, направленная на оценку возможностей логико-понятийной интерпретации лексического значения – подхода, который, по мнению ряда исследователей, не в состоянии охватить многие нюансы соотношения между означающим и означаемым в сфере лексикона (Р.А.Будагов, Л.В.Минаева, А.Н.Морозова, Т.Б.Назарова, Ф.Палмер).

Лингвистический анализ, нацеленный на описание значения слова в составе речевого произведения, требует достаточно «тонких» инструментов исследования. На это, в частности, указывает В.В.Виноградов, подчеркивая, что смысловая сущность слова не исчерпывается свойственными ему значениями: «Слово <...> насыщено отражениями других звеньев языковой системы, выражая отношение к другим словам, соотносительным или связанным с его значением»⁷. Именно эта черта лексической единицы – ее семантическая многоплановость, богатство оттенков – лежит в основе эстетического эффекта, производимого лучшими творениями словесно-художественного творчества.

Рассмотрев литературу по данному вопросу, мы можем заключить, что в наибольшей степени требованиям филологического подхода отвечает метод типологического описания лексической семантики, заключающийся в выделении в структуре многозначного слова нескольких типов свободных (номинативного, номинативно-производного) и ограниченных (коллокационно и коллигационно) значений (В.В.Виноградов). При последовательном разграничении значений реализуется принцип неразрывной связи между содержательной и формальной сторонами слова, между синтагматикой и

⁷ Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С.165.

парадигматикой и учитываются особенности и условия употребления лексической единицы в конкретной речевой ситуации. Именно теория типов лексических значений, разработанная В.В.Виноградовым, положена в основу описания лексики в реферируемой диссертации.

В третьем параграфе работы «Лексико-семантическое варьирование слова в составе речевого произведения» мы обращаемся к вопросу о функционировании многозначного слова в контексте произведения речи.

Многие ученые, исследуя речевую реализацию многозначности, традиционно ограничивались констатацией того факта, что в речи благодаря лингвистическому и/или экстралингвистическому контекстам происходит снятие полисемии и многозначное слово выступает лишь в одном из своих значений. Сохранение многозначности слова в тексте рассматривалось как редкое нарушение закономерности, не заслуживающее детального теоретического описания. На наш взгляд, данное утверждение было бы правомерно отнести только к случаям так называемой бытовой неоднозначности (А.А.Зализняк), когда высказывание непреднамеренно строится таким образом, что допускает два толкования, одно из которых неверно и затрудняет восприятие речевой ситуации. В сознательном использовании слова одновременно в двух или более значениях мы, вслед за Ю.Д.Апресяном, Ф.А.Литвиным, И.Г.Ольшанским, склонны видеть явление, заслуживающее статуса полноправного и самостоятельного лингвистического объекта. Систематизация исследований, посвященных многозначности слова в речи, позволяет прийти к заключению о том, что данный феномен не может рассматриваться как нарушение или исключение; напротив, он является порождением определенных потенциальных свойств языковой единицы, прежде всего в произведениях, где доминирует функция воздействия.

В то же время анализ работ в данной сфере обнаруживает, что исследователями нередко ставятся в один ряд разноплановые явления. С одной стороны, это многочисленные и разнообразные случаи игры слов, направленные на достижение определенного стилистического эффекта и встречающиеся в любых функциональных стилях, ориентированных на реализацию функции воздействия. С другой стороны, можно говорить о лексических единицах, характеризующихся особой семантической емкостью и выразительностью в контексте произведения словесно-художественного творчества. Первую группу явлений правомерно, на наш взгляд, рассматривать в терминах речевой полисемии, тогда как во втором случае речь, скорее, идет о полифонии слова.

С целью проведения демаркационной линии между полифонией слова, которая является объектом настоящего исследования, и смежного с ней явления речевой полисемии в данном параграфе работы мы также ставим своей задачей выявление инвариантных характеристик речевой полисемии. При этом мы обращаемся не только к обзору литературы по данному вопросу, но и к результатам собственного исследования, проводимого на материале англоязычной рекламы.

На наш взгляд, главной отличительной чертой речевой полисемии можно считать однозначность ее восприятия в контексте речевого произведения: играя словом, автор рассчитывает на то, что этот стилистический эффект будет сразу замечен и идентифицирован реципиентом. Однозначность восприятия достигается соположением лишь двух значений многозначного слова, при этом широкое распространение получают случаи совмещения свободного значения с одним из связанных, где игра слов особенно заметна из-за нарушения традиционной сочетаемости. Дополнительным эксплицитным указателем на одновременную актуализацию значений может служить невербальный компонент текста. При этом языковая игра, построенная на полисемии, не будет отличаться от языковой игры, в основе которой лежит омонимия слова. Материалы параграфа свидетельствуют также о том, что речевая полисемия может являться принадлежностью любого речевого произведения, реализующего функцию воздействия, независимо от его функционально-стилевой принадлежности.

Рассмотрению собственно полифонии посвящена **Глава II** диссертации **«Полифония как свойство слова и текста»**.

В первом параграфе этой главы **«Полифония слова в художественном произведении: постановка проблемы и опыт лингвистического исследования»** обобщается информация о полифонии как специфическом свойстве полисемантического слова, реализующего в составе художественного произведения свои ингерентные и «приращенные» значения.

Деавтоматизация средств языкового выражения в художественном тексте и эстетическая направленность слова способствуют появлению эффекта смысловой емкости и многоплановости лексической единицы, которая обращает на себя внимание многих исследователей.

Вместе с тем, несмотря на признание того факта, что полифония слова служит одним из признаков художественности текста (Л.Г.Бабенко, Е.Б.Борисова, Н.С.Валгина, Ю.М.Лютман, В.И.Тюпа), исследования, посвященные данному свойству лексической единицы, крайне немногочисленны. Наблюдения по поводу полифонии были сделаны в ходе

изучения языка художественного произведения (С.К.Гаспарян, Д.С.Мухортов, Т.Г.Никитина) и сопоставительного анализа художественных текстов в оригинале и их переводах (В.Я.Задорнова, И.Л.Кукурян). Как собственно объект исследования лексическая полифония фигурирует в работах С.К.Гаспарян, где данное явление получает освещение при разработке категориальных форм «образность/словесность» на материале стилистической фигуры сравнения.

Во втором параграфе главы «Полифония текста: содержание понятия и направления исследования» мы обращаемся к полифонии как литературоведческому понятию. Термин «полифония» широко используется именно в литературоведении, где он получает различные трактовки: как наличие ряда отчетливо выделяемых «голосов», как различные, но равноправные «точки зрения», как восходящие к разным субъектам речи языковые средства и, наконец, в контексте интертекстуальности.

В исследованиях, посвященных специфике языковых средств, сигнализирующих смену голосов, обращают на себя внимание регулярные указания на тенденцию слов в таких текстах к совмещению значений (С.В.Амвросова, О.В.Валентинова, А.Д.Пряшникова). Этот факт говорит о том, что полифония как свойство текста тесно связана с феноменом семантической емкости слова в художественном произведении. В таком свете обоснованность выбора сборника Дж.Джойса «Дублинцы» в качестве материала исследования, посвященного полифонии слова, получает дополнительное подтверждение, поскольку эти рассказы, безусловно, представляют интерес в плане многоголосия, интертекстуальности, самостоятельности звучания голосов автора и героев, о чем свидетельствуют исследования как литературоведческой, так и лингвистической направленности (Э.Б.Акимов, Е.Ю.Гениева, А.М.Гильдина, Т.Г.Никитина).

Глава III «Полифония в словесной ткани “Дублинцев”» состоит из трех параграфов. Здесь мы, прежде всего, ставим своей задачей продемонстрировать сущность явления лексической полифонии, и для решения этого вопроса в параграфе «Семантика и метасемиотика заголовка» обращаемся к заглавиям рассказов, составляющих сборник «Дублинцы». Именно на данном материале достаточно легко раскрыть специфику полифонии, поскольку заголовки представляют собой единицы, методологически наиболее удобные для анализа (Е.С.Кубрякова).

Ярким примером полифоничного заголовка может служить название рассказа «После гонок» («After the Race»). На базе текста рассказа невозможно однозначно декодировать, какой из лексико-семантических вариантов

существительного *race* актуализируется в заголовке. Сюжет рассказа строится вокруг событий, имевших место в Дублине после автомобильных гонок, поэтому заглавие, казалось бы, предполагает реализацию номинативного значения «*a contest of speed as in riding, running, sailing*». В то же время правомерно говорить и об актуализации номинативно-производного значения «*the course of life*», поскольку на втором плане рассказа разворачивается другая «гонка» – за богатством и положением, активным участником которой на протяжении всей жизни был отец главного героя. Наконец, фоном всех этих событий служит гонка политическая, участниками которой выступают великие мировые державы, а ставкой становятся колонии. Этот аспект содержания рассказа соответствует такому номинативно-производному значению существительного *race* как «*a contest involving progress toward a goal*». Таким образом, в семантике слова *race* в данном контексте неразрывно сплетаются несколько значений.

Уже на примере отдельных лексических единиц, вынесенных в заглавия рассказов (*sister, encounter, Araby, clay, cloud, counterpart, painful, case*), можно видеть, что именно благодаря одновременной реализации лексических значений и семантических оттенков происходит переход с семантического уровня на метасемантический. Однако в полной мере специфика этого процесса раскрывается при изучении того, как заглавие соотносится с сюжетной линией рассказа, с идейно-художественным содержанием и лексическими средствами их реализации. Именно этот вопрос получает освещение в параграфе 3.1.2. «Роль заглавия в выражении идейно-художественного содержания рассказа». Взаимосвязь названных аспектов можно продемонстрировать на примере рассказа «Милость Божья» («*Grace*»). Многозначное существительное, вынесенное в заголовок, с равной долей вероятности может быть интерпретировано одновременно в нескольких значениях. Имплицитной реализации лексико-семантического варианта «*disposition of kindness, favour, clemency or compassion*» способствует сюжетная линия произведения, в котором герои стремятся помочь своему знакомому преодолеть тягу к алкоголю через обращение к религии. На актуализацию таких лексико-семантических вариантов, как «*a beneficence or generosity shown by God to man*» и «*a charming or attractive endowment, quality, or feature*», указывают линейные связи слова в тексте (*with God's grace; by grace of these two articles of clothing*). Лексико-семантический вариант «*sense of propriety or right*» выводится на передний план за счет регулярного появления в близком контексте с *grace* слов со схожими значениями (*dignity, decency*). Вместе с тем авторская ирония состоит в том, что ни в одном из представленных значений

слово *grace* не может быть применено по отношению к героям или их поступкам. Забота о ближнем обусловлена стремлением создать благоприятную репутацию, внешняя благопристойность прикрывает внутренние пороки, а следование церковным постулатам представляет собой пустую формальность. Таким образом, в контексте идейно-художественного замысла произведения слово *grace* утрачивает положительные коннотации, свойственные ему как единице языка, и заголовок рассказа предстает в новом свете.

Проведенный анализ заглавий рассказов свидетельствует о том, что гамма семантических оттенков, реализуемых полифоничным словом (или словами) заголовка, непосредственным образом соотносится с идейно-художественным содержанием рассказа, задает тон всему произведению и содержит в себе ключ к его пониманию.

Последовательный анализ заголовков позволил выделить ряд факторов, способствующих их восприятию как полифоничных. В их число входят сюжет произведения, тематическая и коннотативная общность лексических единиц, лексико-фразеологические связи между компонентами словосочетания и парадигматические связи с полифоничными словами. В ряде случаев метасемиотические полифоничные единицы оказываются способными реализовывать свой экспрессивный потенциал благодаря интертекстуальным связям и, прежде всего, аллюзии.

Наблюдения над особенностями употребления полифоничных слов в тексте получили дальнейшее развитие в параграфе 3 «Ключевые слова в семантическом пространстве текста». На примере трех рассказов сборника - «Сестры», «Встреча» и «Аравия», составляющих «детский» цикл, было показано, что полифоничные слова, реализуясь на метасемиотическом уровне, выполняют функцию опорных текстовых элементов и выступают в качестве важного средства текстовой когезии.

Единство трех рассказов в рамках цикла достигается благодаря совокупности ряда внешних и внутренних признаков. Под «внешними» признаками имеются в виду общность времени и места действия, возраст и социальное положение безымянных мальчиков-рассказчиков, сквозные герои и детали. «Внутреннее» сходство обеспечивается за счет единой идейно-художественной концепции: все три рассказа передают мысль о том, что ребенок, вступающий в жизнь, сталкивается с бездуховностью и безжалостностью окружающей действительности. Следует отметить, что внутренние и внешние особенности тоже составляют единое целое. Это достигается в значительной мере за счет появления в начале и концовке всех

трех рассказов одних и тех же полифоничных единиц *blind* и *idle*, а также их производных или синонимов, связанных между собой средствами паронимической аттракции. Тот факт, что эти слова многократно воспроизводятся, реализуются в сильных позициях текста и определяют этапы развития мысли в рассказах, позволяет говорить о них как о ключевых словах цикла. Способность рассматриваемых единиц выступать в качестве лейтмотивов обусловлена, на наш взгляд, их особой семантической емкостью, которая достигается посредством одновременной актуализации нескольких значений.

Появляясь в начальных фрагментах рассказов, прилагательное *idle* и его производные (*idler*, *to idle*) реализуют значения «*having no particular reason for existing or occurring, light, casual and superficial*» (*I had thought his words idle*) и «*lazy, seeking to avoid labor or employment*» (*young brother Leo, the idler; he hoped I was not beginning to idle*). В то же время в словосочетании *young brother Leo, the idler* присутствуют значения «*light-headed, foolish*». Об этом, в частности, косвенно свидетельствует фамилия героя – *Leo Dillan*, в чем-то созвучная английскому глаголу *to dilly-dally* («*to waste time, because you can not decide about something*»), который, в свою очередь, оказывается связанным с исходным прилагательным *idle* средствами парадигматической паронимической аттракции.

Что касается *blind*, то в начале рассказа звуковой комплекс, служащий планом выражения двух омонимичных единиц, указывает на физическую невозможность что-либо увидеть (*North Richmond Street, being blind, was a quiet street; The room through the lace end of the blind was suffused with dusky golden light; The blind was pulled down to within an inch of the sash so that I could not be seen*), что соотносится с номинативным значением прилагательного «*lacking the sense of sight by natural defect or by deprivation*». Между тем в контексте представленных рассказов речь идет не о физической слепоте героев, а об их неспособности реально оценивать происходящее, что дает основания говорить об актуализации в семантике *blind* значения «*lacking in intellectual light: unable or unwilling to judge rationally*».

В финальном абзаце последнего из рассказов «детского» цикла на смену образу слепоты приходит образ раскрытых глаз: *Gazing up into the darkness I saw myself as a creature driven and derided by vanity*. При этом заключительные абзацы всех трех рассказов содержат лексические единицы со значением «тщетность, суетность, бесполезность»: прилагательное *idle* в значении «*useless*» (*an idle chalice on his breast*) в рассказе «Сестры», его синоним, прилагательное *paltry* в рассказе «Встреча» и существительное *vanity* в

рассказе «Аравия». Таким образом, особенности употребления слов *blind* и *idle* в рассказах о детстве позволяют читателю проследить динамику отношений между юными героями и окружающим их миром. В начале рассказов персонажи легкомысленны, полны надежд и ожиданий, не способны трезво оценивать действительность, вся неприглядность которой познается к концу повествования. Присутствие в эпифаниях рассказов слов с семантикой «тщетность» подчеркивает, что надежды бесплодны и героям не преодолеть уже сложившегося порядка вещей.

Материалы параграфа свидетельствуют о важности учета синтагматических и парадигматических связей, которые проявляются, прежде всего, в семантической близости слов и сходстве их формальных признаков. Мы можем заключить, что полифоничная единица взаимодействует с текстовой тканью произведения, и под ее влиянием отдельное предложение, абзац или весь текст могут обретать многозначность.

Анализ, проведенный в третьей главе исследования, показывает, что вынесенные в заголовки многозначные слова, а также ключевые слова рассказа становятся единицами метасемиотического уровня в результате одновременной реализации номинативного и номинативно-производного (или ряда номинативно-производных) значений. Однако наша основная задача состояла в том, чтобы показать, каким образом полифоничные единицы связаны с выражением метаметасемиотического, т.е. идейно-художественного содержания произведения. Эта задача решалась в **Главе IV «Идейно-художественное произведение и семантика слова»**, где полифоничные слова рассматриваются в контексте образно-тематической системы сборника.

Исследователями неоднократно отмечалось, что единая система образов и тем является одним из средств обеспечения целостности сборника «Дублинцы», каждый из рассказов которого, казалось бы, настолько самостоятелен, что может восприниматься как отдельное произведение. В числе наиболее важных тем произведения назывались тема церкви, тема смерти, тема спасения, тема замкнутого круга, тема света и тьмы и другие (Э.Б.Акимов, И.И.Гарин, Т.Г.Никитина, В.Тиндал). В параграфе 4.1. «Символика слова в тематическом развертывании текста» мы обращаемся к рассмотрению языковых средств создания двух ключевых тем сборника – темы ирландского католичества (церкви) и темы спасения.

На основании исследуемого материала можно заключить, что тема ирландского католичества находит выражение в ограниченном числе лексических единиц, обладающих тематической общностью и сходных в том плане, что они проявляют свойство полифонии. Расширение семантического

объема этих слов происходит за счет их воспроизведения в различных контекстах.

Доминантной среди единиц, участвующих в создании темы церкви, безусловно, выступает лексема *paralysis*. Это слово само по себе служит воплощением авторского замысла, смысловым центром, вокруг которого конструируется весь текст сборника. Семантический потенциал данного слова далеко выходит за рамки прямого номинативного значения «*a complete or partial loss of the power of motion or of sensation in any part of the body*», которое предполагается сюжетной линией рассказа «Сестры», где пожилой священник умирает от паралича. На протяжении всего повествования перед глазами читателя проходят герои (отец Флинн лишь первый из них), пораженные «параличом», не желающие менять свою жизнь, неспособные использовать открывающиеся перед ними возможности или предпринимать какие-либо действия, что позволяет говорить о совмещении номинативного значения с номинативно-производным «*a state of being unable to take actions, make decisions, or operate normally*». При этом прямое номинативное значение представляется доминантным лишь в узком контексте, тогда как в полном объеме семантика слов раскрывается в широком, лингвопоэтическом контексте.

Негативные ассоциации, связанные со словом *paralysis*, усиливаются за счет фонетических параллелей между данной единицей и ингерентно коннотативными словами и словосочетаниями, расположенными в близком к ней контексте (*maleficent, sinful being, filled me with fear, lips were so moist with spittle, simoniac of his sin*). Обращает на себя внимание настойчивый, анаграмматический повтор звуков [l], [s] и [i], которые воспроизводят звуки центрального в смысловом отношении слова *paralysis*.

Другие лексические единицы, связанные с темой церкви, ингерентно неконнотативны (*chalice, book, stalls, hall, evening, broken bread, odour*). Однако они приобретают негативную коннотацию за счет ассоциативных связей, обусловленных привычными контекстами, и синтагматических связей с коннотативными словами, как это, например, имеет место в случае с существительным *book*.

Слово *book* выступает в рассказах одним из символов церкви, предпосылки к чему обнаруживаются уже на языковом уровне (вторым после номинативного значения «*a written document*» в словаре приводится значение «*Bible*» и «*part of Bible*»). Реализация адгерентной коннотации обеспечивается, в частности, за счет парадигматических связей слова с отрицательно окрашенными прилагательными *littered, useless, damp, curled, yellow* (*Air, musty*

from having been long enclosed, hung in all the rooms, and the waste room behind the kitchen was littered with old useless papers. Among these I found a few paper-covered books, the pages of which were curled and damp). Отношение автора к книгам, которые предлагает католическая церковь, крайне негативное: автор считает их не средством просвещения, а средством одурманивания дублинцев.

В противовес теме ирландского католичества, которое представляется в сборнике как корень паралича, в рассказах звучит тема спасения. Рано или поздно многие персонажи рассказов приходят к пониманию необходимости перемен, которые бы положили конец монотонности и бессмысленности их существования. В реализации этой темы, рассмотрению которой посвящена вторая часть параграфа 4.1., особенно ярко проявляется символизм слов, избираемых автором для передачи идейного содержания произведения. Как и в случае с темой ирландского католичества, выделяется центральное, ключевое слово (*window*) с ярко выраженной символической нагрузкой, которое выступает как доминанта тематической группы лексических единиц, связанных с идеей освобождения (*door, gate, passage, bridge*).

В контексте всего сборника многозначное существительное *window* наполняется новым (по отношению к семантическому уровню), эмоционально-экспрессивно-оценочным содержанием. В рассказах «детского» цикла окно символизирует желание персонажей постичь новое, неизведанное, получить ответы на вопросы (*«a means of obtaining information or maintaining contacts»*). В рассказах «юношеского» и «взрослого» циклов оно превращается в символ открывающихся перед героями возможностей (*«a short period of time during which an opportunity must be acted on or missed»*). В случае с Габриелем Конроем из «Мертвых» окно передает идею прозрения (*«a way of seeing and learning about smth»*). Регулярно выступая в сочетании со словами, реализующими значение преграды для зрения, восприятия (*blind, drapery, curtain, to shutter*) слово *window* становится также символом недостижимых целей, невозможности получить желаемое.

Лексические единицы, выражающие идею освобождения, противопоставлены словам, которые на метасемiotическом уровне выступают как средство выражения идеи преграды на пути к освобождению (*bar, iron*). Будучи реализованы в различных контекстах, эти слова приобретают адгерентную негативную коннотацию. Степень коннотативности этих слов оказывается более высокой по сравнению с лексическими единицами, выражающими идею спасения.

В частности, лексическая единица *iron* в рассказах устойчиво ассоциируется с непреодолимой преградой, клеткой. Такая деталь, как

железное ограждение, фигурирует в нескольких текстах сборника. Для героини рассказа «Пансион», например, темницей, единственным общественно приемлемым выходом из которой для девушки является замужество, служит дом ее властной матери (*She rested the nape of her neck against the cool iron bed-rail and fell into a reverie*). Эвелин из одноименного рассказа оказывается не в состоянии преступить черту семейного долга и покинуть Ирландию (*She gripped with both hands at the iron railing*).

В рассказе «Несчастный случай» лексема *iron* символизирует трагедию обоих персонажей. Образ главного героя во многом создается за счет деталей обстановки его комнаты, которая наполнена предметами, сделанными из железа (*a black iron bedstead, an iron washstand, a fender and irons*). Данный факт наводит на мысль о существовании определенных параллелей между семантикой слова *iron* и чертами характера героя. Уже на парадигматическом уровне данное слово ассоциируется с холодностью, твердостью, непреклонностью (*as hard as iron; the iron entered his soul*). Наличие у рассматриваемой единицы значений, соотносимых с характеристикой человека (*«very strong and determined»* и *«merciless»*), позволяет использовать данное слово для создания портрета холодного, сдержанного, упрямого человека. Отвергнутая им героиня кончает жизнь самоубийством, бросаясь под поезд. При этом в семантике словосочетания *cross the line*, неоднократно воспроизведенного в тексте рассказа, оказываются неотделимыми друг от друга буквальное (*«go across the railway line»*) и переносное (*«to start behaving in a way that is not socially acceptable»*) значения.

Рассмотрение полифоничных единиц в контексте образно-тематической системы всего произведения было бы неполным без обращения к средствам создания основных образов произведения. Как было установлено ранее (Т.Г.Никитина), в их число, прежде всего, входят образ типичного жителя города и образ дублинского мира.

Материалы параграфа 4.2. «Полифония в создании образа дублинца» показывают, что отличительной особенностью лексики здесь является высокая частотность словоупотреблений ограниченного числа единиц (*little, lean, cut*), а также морфемы (части морфемы) *-dis*, создающей эпидигматический ряд. Названные лексические единицы представляют собой высокочастотные слова, которые в плане семантики и особенностей узкого контекста можно считать стилистически нейтральными. Однако в контексте всего произведения данные слова приобретают адгерентные коннотации, играющие важнейшую роль в реализации авторского замысла, а именно, в создании собирательного образа дублинца как пассивного, зависимого, уповающего на помощь извне человека.

Рассмотрим в качестве примера лексему *little*, которая, появляясь на страницах сборника 210 раз, значительно превосходит по частотности употребления все остальные лексические единицы. Она регулярно выступает в качестве доминанты при описании внешности персонажей (*though he was but slightly under the average stature, he gave one the idea of being a little man; he was a little man, with a white, vacant face; a steward brought out a little woman named Miss Beirne*). Вместе с тем анализ словарной статьи *little* свидетельствует о том, что применительно к взрослому человеку это слово чаще всего употребляется в значении «young», то есть в отношении младших членов семьи, детей. Использование данной единицы в препозиции к имени собственному вообще имеет уменьшительно-ласкательный оттенок. Таким образом, у читателя создается впечатление, что герои наделены некими чертами, характерными скорее для ребенка, нежели для взрослого. Наличие в семантической структуре рассматриваемого прилагательного таких номинативно-производных значений, как «*narrow, mean*», «*small in importance or interest*» и «*used to emphasize that you like or dislike something or someone, although they are not important, impressive*», а также словосочетаний *little man / little people* со значением «*person / people in the country who have no power*», окончательно предопределяет восприятие героев как незначительных и слабых людей. Эти негативные коннотации распространяются с самих персонажей на весь уклад жизни Дублина за счет того, что *little* в рассказах появляется при характеристике действий героев и их образа жизни.

В описании дублинского мира на первый план выходят термины цветообозначения, рассмотрению которых посвящен параграф 4.3. «Термины цветообозначения в создании образа дублинского мира».

Материалы этого параграфа свидетельствуют о том, что цветообозначения в художественном тексте не ограничиваются отражениями физических характеристик спектральных цветов, но обладают мощным ассоциативным потенциалом.

Цветовая гамма рассказов «Дублинцы» строится разнообразными лексическими средствами. Наиболее частотны слова, обозначающие следующие цвета: белый (41 случай употребления), черный (31), серый (29). Несколько реже встречаются коричневый (22), зеленый (21), синий (18) и красный (17). Наряду с лексемами, которые коррелируют с базовыми компонентами цветового спектра, присутствуют единичные случаи употребления лексем *purple, violet, orange, pink*, а также единиц, передающих оттенки цвета (*peony, tawny, scarlet, hazel, swarthy, sandy, ginger, ruddy, terra-cotta*). Достаточно частотны прилагательные с суффиксом *-ish*, обозначающим

слабую выраженность качества, дериваты гиперонима *colour*, - *(dis)coloured*, *colourless*, *colourful*, *wine-coloured*, *hey-coloured*, *slate-colour*, слова-компози́ты, лексемы, обозначающие подобие цвету металла: *gold(en)*, *silver*, *bronze*. Каждая лексическая единица, обозначающая тот или иной цвет в рассказах, становится выражением нового метасемиотического содержания, получает дополнительную символическую нагрузку.

Наиболее частотный термин цветообозначения – *white* – сопровождается лексическими единицами, выражающими отсутствие цвета или его слабую интенсивность (*pale*, *pallid*). В рассматриваемом произведении прилагательное *white* лишь в очень небольшом количестве случаев передает только свое прямое значение. В большинстве употреблений оно сочетает в себе основное значение с одним из производных и сопровождается появлением контекстуально обусловленных семантических оттенков и коннотаций, причем, вопреки общекультурной традиции, далеко не всегда позитивных. Достаточно упомянуть описание белой, как полотно, Эвелин, стоящей на причале в заключительной части одноименного рассказа; мистера Фицпатрика из рассказа «Мать», где белый цвет усиливает впечатление безучастности и пассивности персонажа; многократное использование этого прилагательного при описании комнаты мистера Даффи в рассказе «Несчастный случай», когда стерильность окружающего персонаж мира указывает на его духовную пустоту и одиночество.

Лексическая единица *grey*, которая фигурирует в двенадцати рассказах, интересна тем, что семантико-стилистическая нагрузка этого слова постепенно возрастает. Будучи доминантой цветовой гаммы в первом рассказе сборника, это прилагательное становится далее регулярным атрибутом при описании внешности персонажей. В рассказе «Встреча» зеленый цвет, символизирующий надежды героев, постепенно вытесняется серым. В результате особенностей употребления этого слова тусклый цветовой фон перерастает в нечто большее – в ощущение безрадостности и безжизненности, ассоциирующихся с всевластием католической церкви в Ирландии. В полной мере функциональная нагрузка терминов цветообозначения раскрывается при их рассмотрении в единстве с лексическими единицами, обозначающими свет и темноту.

В целом термины цветообозначения выражают идею о тщетности надежд героев на позитивные изменения в их жизни и в жизни общества в целом. Эта идея реализуется за счет монотонности цветовой палитры, в которой доминирует серый цвет, а также за счет использования терминов цветообозначения для изменения тональности повествования. Слова,

обозначающие базовые компоненты цветового спектра, употребляются таким образом, что создают картину противоборства света и тьмы, в котором последняя торжествует. Очевидно, что это впечатление обеспечивается благодаря символизму цветообозначений, который, однако, не носит ярко выраженного характера. Как и в отношении рассмотренных выше аспектов произведения, здесь можно сделать вывод о том, что одновременная реализация лексических значений и приращений смысла раскрывается при рассмотрении текста как глобального речевого произведения с учетом синтагматических и парадигматических связей в пределах узкого контекста.

Материалы главы четвертой позволяют прийти к выводу о том, что тенденцию к проявлению свойств полифонии обнаруживают, в первую очередь, ингерентно неконнотативные единицы, обладающие простой фономорфологической структурой и характеризующиеся высокой частотностью употребления. Число значений, зафиксированных у данных слов как единиц языка, существенно варьируется, что позволяет заключить, что степень семантической разветвленности лексических единиц нерелевантна для реализации ими полифонии.

Таким образом, проведенное исследование показало, что все лексические единицы, обладающие свойством полифоничности, в контексте произведения становятся носителями метаметасодержания, выражающего основной идейный замысел, который сам писатель видел в том, чтобы написать главу из духовной истории страны, выбрав местом действия Дублин, поскольку именно этот город является центром духовного застоя, который автор называет параличом.

В **Заключении** излагаются основные результаты исследования и намечаются его перспективы. Интересным и актуальным представляется решение вопроса о степени универсальности выделенных тенденций в использовании полифоничных слов. Кроме того, исследование может найти дальнейшее развитие в сопоставительном анализе англоязычных полифоничных единиц и их эквивалентов в переводах.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

**Статьи, опубликованные в научных изданиях, рекомендованных
ВАК Министерства образования и науки РФ:**

1. Головкина, А.С. Семантика и метасемиотика ключевых слов в детском цикле рассказов Дж. Джойса «Дублинцы» [Текст] / А.С. Головкина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск : Издательство ЧелГУ, 2011. – № 3 (218). – С. 24-29. – 0,6 п.л.

2. Головкина, А.С. Роль цветообозначений в создании образа дублинского мира (на материале сборника рассказов Дж. Джойса «Дублинцы») [Текст] / А.С. Головкина // Вестник Орловского государственного университета. Новые гуманитарные исследования. – Орел, 2011. – № 4 (18). – С. 371-374. – 0,4 п.л.

Научные статьи, опубликованные в других изданиях:

3. Головкина, А.С. Полифония слова как средство речевого воздействия в рекламном тексте [Текст] / А.С. Головкина // Дискурсивный континуум: текст – интертекст – гипертекст : материалы Всероссийской научной конференции. – Самара : Издательство СГПУ, 2007. – С. 105-110. – 0,3 п.л.

4. Головкина, А.С. Полифония в рассказе Дж. Джойса «Аравия» [Текст] / А.С. Головкина // Состояние и перспективы лингвистического образования в современной России : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. – Ульяновск : ООО «Студия печати», 2007. – С. 108-116. – 0,5 п.л.

5. Головкина, А.С. Экспрессивный потенциал многозначного слова в произведении художественной литературы [Текст] / А.С. Головкина // Предромантизм и романтизм в мировой культуре : материалы научно-практической конференции, посвященной 60-летию профессора Игоря Владимировича Вершинина. – Самара : Издательство СГПУ, 2008. – Том II. – С. 166-170. – 0,5 п.л.

6. Головкина, А.С. Полифония слова как средство создания образа персонажа в художественном произведении [Текст] / А.С. Головкина // Актуальные проблемы современного социально-экономического развития : материалы V международно-практической конференции. – Самара : Международный институт рынка, 2010. – С. 341-343. – 0,1 п.л.

7. Головкина, А.С. О способах реализации многозначного слова в составе речевого произведения [Текст] / А.С. Головкина // Вестник гуманитарного научного образования – Москва : ООО ИНГН, 2011. – № 10. – С. 20-23. – 0,4 п.л.

Подписано в печать 15.12.2011.

Формат 60 х 84/16

Бумага ксероксная. Печать оперативная.

Объем – 1,25 усл. п. л. Заказ № 105. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Инсома-пресс»
ул. Санфировой, 110А, оф. 22А, тел. 222-92-40

